

Традиции национальных культур

Н.В. Скиба

«Когда небо открывается...»

Украинское Рождество
как опыт прикосновения к истокам

«Глубокие предрождественские снега, — кажется, они спеленали саму жизнь, задержали время. <...> Поет земля... Сизая белизна снега переходит в белесую сизость неба, создавая неразрывность земля-небо, небо-земля... А между ними ты: весь словно снежный столбик, который превратился в сплошной слух и зрение.

А еще в тебе открылись дополнительные источники зрения. Ты уже в состоянии видеть то, чего прежде в суете и не мог усмотреть: над тобою и впереди тебя ангелята... но ты знаешь, что позади тебя — белый всадник, при встрече с которым становится и ужасно и сладостно...

С расстояния времени думаешь, насколько необычной, насыщенной разными энергиями является наша земля, которую только мы и способны воспринять в ее полноте самопроявления <...>

Ой до цього дому, ой до веселого,
Святая.
Ой у цьому домі золотий столик,
Святая.
На тім столику лежить отавка,
Святая.
На тій отавці золота скатерка,
Святая.
На тій скатерці Тайна вечеря,
Святая¹.

... Украинцы задолго до принятия веры Христовой собирались в своих жилищах на святую вечерю. Это священнодействие происходило и происходит поныне в самую торжественную ночь при священном огне свечи и при двенадцати обрядовых блюдах на святотечерном столе. Эта Тайная или Святая вечеря объединяла много веков тому назад и объединяет сегодня целый народ. Это святотечернее всенародное духовное единение на двенадцати блюдах призвано было обновлять родовые и семейные связи, когда внучата носили своим дедушкам праздничные калачи, когда призывали в жилище Мороза отведать кутьи, чтобы позже, на Водосвятие, выгонять его и качалками и ружьями. Эта мистерия поворота солнца на весну, рождения злака, понятно, совпала с новым космическим явлением — Рождеством Христовым»².

Несомненно, с этим зимним праздником у каждого из нас связаны особые впечатления, особый опыт осмысления жизненных и культурных первоистоков. Прочитанный фрагмент из эссе известного украинского поэта и общественного деятеля Павла Мовчана, как мне кажется, дает довольно точное представление не только о глубине культурной памяти, сосредоточенной в празднике Рождества, но и о том, как обращаться с этим фондом духовного опыта. Без него современная личность, даже вооруженная самым мощным интеллектуальным арсеналом, будет обескровленной и чахлой. Но в то же время и фонд культурных воспоминаний без определенных мысленных усилий, без нового мировоззренческого подхода может так и остаться «ларцом нераскрытым».

Календарные обряды и ритуалы, — связанные с циклами «угасания» и «возрождения» солнца, от лета к зиме и от зимы к лету, — являются одной из самых древних форм передачи духовного опыта от поколения к поколению. Процесс передачи и усвоения опыта принято называть традицией. Культурное пространство любой нации можно сравнить с живой тканью, образованной переплетением и разветвлением традиций. Отдельные нити этой пульсирующей структуры как бы размыкают пространственно-временные рамки конкретной нации, поскольку протянуты из непроглядной глубины времен и иных измерений. «Место и роль традиции во многом эквивалентны месту и роли генетических программ в процессах эволюции биологических популяций»³, — отмечает Э.С. Маркарян. Уже классическим стал тезис Л.В. Шапошниковой о культуре как самоорганизующейся системе духа. Внимательнее присмотревшись к структуре календарных действий, мы можем определить опорные структуры этой самоорганизации.

Календарь — определенный образ, идея синхронизации усилий каждого человека, каждого сообщества со всей вселенной как целостным, живым ритмическим образованием. «Важным условием самоорганизации, в какой бы среде она ни протекала, является первичное отклонение от равновесия. Такое отклонение может происходить или в силу направленного энергетического воздействия извне, или же может возникать в середине самой системы»⁴. Эти воздействия могут быть субъективными и объективными. «Объективные закономерности действуют на уровне регулярных процессов энергообмена, субъективные же связаны с более сложными явлениями, имеющими отношение к высоким самоорганизованным системам, способным на целенаправленное энергетическое воздействие»⁵.

¹ Прочитан фрагмент украинской колядки: «Ой к этому дому, ой да к веселому Святая. Ой а в этом доме золотой-то стол, Святая. На этом столе отавка лежит, Святая. На той отавке золотая скатерка, Святая. На той скатерке Тайная вечеря, Святая».

² Мовчан П. Витоки // «Слово Просвіти». 2002. Ч. № 2 (119).

³ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981, № 2. С. 81—82.

⁴ Шапошникова Л.В. Мудрость веков. М., 1996. С. 291.

⁵ Там же.

Рассматривая традиционный календарный праздник в свете энергетического мировоззрения, мы можем отыскать в нем следы воздействий, исходящих от высоких самоорганизованных систем. Если спроецировать субъективные факторы или закономерности на годовой календарный круг, то они совпадут с узловыми праздниками, связанными с солнцестоянием или равноденствием. Именно с такими точками календаря, как Рождество, в украинской традиции связаны представления о сближении сферы Горней со сферой земной, взаимопроникновении мира предков и мира ныне живущих поколений, мира стихий и мира человеческих отношений. В украинских селах довольно долгое время бытовали поверья о том, что на *святой* (6 января) и на *щедрый вечер* (13 января) открывается небо. Селяне верили, что в рождественскую ночь даже животные получают дар речи и могут говорить с Богом.

Кстати, сама этимология слова «праздник» в украинском и других восточнославянских языках (*свято, swieto, svatek, svatok*), а также романо-германских (от лат. *festum*) указывает на его сакральную природу и содержание. Обратим внимание на то, что «в празднике реализуется коллективная память. Недаром во времена античности сатурналии воспринимались как временное возвращение золотого века»⁶. То есть «праздничное время сродни мифологическому»⁷. Участники ритуальных действий «словно переносятся в мифологическую эпоху, живут, действуют в ней; время праздника, в отличие от профанного, — это не просто иное, но качественно иное время»⁸. Исследователи отмечают, что в ритуале мифическое время и его герои не только изображаются, но «словно возрождаются со своей магической силой, события повторяются и реактуализируются»⁹.

«И объективные и субъективные факторы формирования и развития культуры как самоорганизованной системы духа тесно связаны между собою и постоянно взаимодействуют. Если объективные двигатели Культуры мы можем отнести к условно называемым природным явлениям, то субъективные связаны с субъектами Космической эволюции, которых Живая Этика называет Иерархами Света»¹⁰. Возможно, именно эти Сущности являются прообразом культурных героев мифологии, к которым восходят истоки определенных этических традиций и связанное с ними мироощущение. К примеру, рождественский *дидух* украинской традиции — ему в структуре праздника отводится самое почетное и семиотически наиболее «нагруженное» место в *хате* — символизирует собою в структуре обряда неизменное присутствие Первопредков. Ксенофонт Сосенко, представитель культурно-исторической школы начала XX столетия, считает, что *дидух* является олицетворением культурного героя. Этимология самого слова, по мнению ученого, указывает на первопредка и далее — на верховное божество¹¹. Вот как описывает *дидуха* и связанную с ним атмосферу праздника украинский писатель и этнограф середины XIX столетия Анатолий Свидницкий: «На *покути*¹² ставится сноп жита

⁶ Серов С.Я. Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды. С. 41.

⁷ Там же.

⁸ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983. С. 6.

⁹ Мифологический словарь. М., 1991. С. 654.

¹⁰ Шапошникова Л.В. Чаша Грааля космической эволюции / Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М.: МЦР, 1994. С. 5.

¹¹ Сосенко К. Культурно-історична постать староукраїнських свят Різдва і Щедрого Вечора. Тернопіль, 1994. С. 95.

¹² Соответствует русскому красному углу.

или суржику

колосьями вверх; иногда этот сноп
украшают еще и обжиночным венком.

Именно этим начинается *святой вечер*, и пока в хате ничего этого нет, нет еще и святвечора»¹³. В роли *дидуха* нередко выступал последний, *обжинковый* сноп, то есть тот, которым заканчивали жатву. Колосья *дидуха* по окончании праздников обмолачиваются — следующей весной с них начнут посев. Оставшейся соломой обвязывают плодовые деревья.

Взаимопроникновение в процессе праздника сакральной и профанной сфер — мира видимого, грубоматериального, и невидимого, тонкого, — конечно же является творческим актом. Ведь важна не механика обряда, а создание праздничной атмосферы. Эпицентрами ее и становятся такие символические и смысловые структуры обрядодейства, как уже упомянутый *дидух*.

Символ как стойкий визуальный знак обладает свойством в концентрированном виде давать представление о глубинных процессах мироздания и вызывать у участников празднества соответствующий им ритм. Философское осмысление многомерной природы символа дает Алексей Лосев: «Символ в наиболее широком понимании слова как раз и является такой конструкцией, которая функционирует не изолированно, не дискретно, но всегда как показатель чего-то иного, нежели он сам»¹⁴. Символ передает содержание, смысл предмета или явления — внутренний закон, по которому они упорядочены. Павел Флоренский, анализируя символ в контексте проблемы макрокосм-микрокосм, отмечает: «Символ является такой реальностью, которая, будучи, сродни иной [реальности] изнутри, согласно силе ее порождающей, внешне этой силе только подобна, но не тождественна ей <...> для каждой реальности символ может быть не один, а неопределенно продолженная цепочка символов, точнее сказать — пучки символов, в средоточии которых пребывает сама реальность, что символизируется»¹⁵. Праздник — это довольно сложное переплетение символических предметов и действий с мифопоэтическими переживаниями.

Момент внесения *дидуха* в хату в системе украинского Рождества знаменует собою завершение упорядочения жилого пространства, что в семантическом плане соответствует определенному этапу творения или воссоздания мира. Почетная миссия установления *дидуха* на покути возлагалась на хозяина дома, главу семейства. В продолжение всего святвечернего действия хозяин играет древнюю роль жреца. Иначе говоря, он является проводником и выразителем сакральных духовных ценностей семьи и рода. На Подолии еще в середине XX столетия существовал интересный обычай, в котором выразительно просматриваются жреческие функции хозяина дома. Перед тем как садиться к *святой вечере*, gospodar (хозяин) с миской кутьи должен был три раза обойти вокруг дома, стучась каждый раз в дверь. Между ним и хозяйкой происходил следующий диалог:

Хто там грюкає?
*Господь з кутею!*¹⁶

¹³ Свидницький А. Роман. Оповідання. Нариси. К.: Наукова думка, 1985. С. 503.

¹⁴ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 20.

¹⁵ Флоренский П. Сочинения. Т. 3 (1). М., 1994. С. 424.

¹⁶ «— Кто там стучится? — Господь с кутьей!» (укр.). Из полевых этнографических материалов автора. Запись 1998 г. в селе Грушка Каменец-Подольского р-на Хмельницкой области.

Описанная
сценка имеет игровой импровизационный характер (иногда довольно игровой), однако за позднейшими шуточными настроениями усматриваются глубинные пласты культурной памяти.

Традиционно святая вечеря начиналась молитвой, в которой высказывалась благодарность Богу за прожитый год, самые добрые пожелания всем членам рода. Вспоминали не только тех родных, которые по каким-либо причинам не могли присутствовать в этот момент за столом, но и проявляли заботу о душах неизвестных — тех, кто заблудился в дороге или погиб насильственной смертью. Идея продолжения Жизни, являющаяся центральной, получила выражение и в традиционном пожелании, произносимом перед трапезой: *«Дай Бог эти праздники провести и следующих дождаться»*.

Святая вечеря начинается с непременно ложки куты. Это на первый взгляд бесхитрое блюдо из разваренных пшеничных зерен, разбавленных водой с медом с добавлением мака и орехов, несет в себе живую реминисценцию тех незапамятных времен, когда человек впервые осваивал эти злаки и культуру их взращивания. В некоторых случаях хозяин набирает первую ложку куты и подбрасывает ее к потолку. Дети ртом ловят зерна. Как считают нынешние носители традиции, это делалось для того, чтобы пчелы роились¹⁷. В мировоззренческом аспекте здесь мы имеем дело с системой координат архаического мифологического мышления и с представленной в нем системой ценностей, где движение вверх символизирует жизнь и развитие¹⁸.

Особое значение на Рождество приобретает огонь. Высокий статус живого огня, его моральная «заряженность» отмечена такими фразами внецерковной молитвы: *«Де свічи палають, де книги читають...»*¹⁹

Специфика этого праздника такова, что он, консолидируя через узловые пучки ценностей и символов семейные, внутренне-родовые традиции рождественской обрядовости, объединяет в солидар-

¹⁷ Из полевых этнографических материалов автора. Запись 1998 года от Гоголь Луки Гордеевны (1908 г.р.), Тимкив Каменец-Подольского р-на Хмельницкой области.

¹⁸ Попович М.В. Мировоззрение древних славян. К., 1985. С.159.

¹⁹ «Где свечи пылают, где книги читают» (укр.). Из полевых этнографических материалов автора. Запись 1998 года от Горбняк Евгении Лукьяновны (1912 г.р.), с. Гораивка Каменец-Подольского р-на Хмельницкой области.

ном духов-
ном действе и всю сельскую общи-
ну, группу селений, и далее — этнос и всю
нацию. Такое единение, конечно, происходит на
уровне культурного пространства, по мере индивидуаль-
ного включения в него. Но вернемся к реальности украинского села,
которое долгое время наиболее концентрированно сохраняло и текст
календарного праздника, и его дух. «Внутренне-родовое» и «общинное» из-
мерение праздника в единое системное целое увязывает обычай *посылать вече-
рю*²⁰ и традиция *колядования*. Носили *вечерю*, как правило, дети. Их посылали навес-
тить с дарами, — которые состояли обязательно из трех паляниц, кнышей, а также
орехов, яблок, пирожков, — крестных родителей, баб-повитух, близких родственников,
священника. В 1920-е годы вместо последнего вечерю носили школьному учителю²¹. В об-
мен на это детям давали деньги или сладости.

В одном ряду с упомянутым обычаем находится *помана*²². Она осуществлялась взрослы-
ми, как правило, старшими членами семейства. В селе был определенный, довольно узкий
круг людей, окруженных особым уважением и авторитетом, — к которым обращались с *пома-
ной*. Набирали в миску пшеницы, вареников, орехов, клали три специальных калача и ставили
свечку. Это все подавали избранному лицу с просьбой помолиться за того или иного члена се-
мьи. *Помана* отправлялась как за умерших, так и за тяжело больных. Во многих случаях, как сви-
детельствуют этнографические записи, ритуал производился в моменты, когда родственники то-
го, кто перешел в мир иной, ощущали беспокойство за его душу.

Что касается *колядования*, то им была занята преимущественно неженатая молодежь. В дни пра-
здника *колядники* получали статус сакральных существ, «божьих слуг». Исследователи четко разде-
ляют тексты, отчасти и мелодию *колядок* на церковные (они более позднего происхождения) и арха-
ические, аутентичного происхождения. В этих рождественских песнопениях отразились космогони-
ческие представления наших предков, которые своей стилистикой и содержанием перекликаются с
индийскими Ведами.

²⁰ То есть передавать в качестве гостинца определенные ритуальные блюда с праздничного стола.

²¹ Рукописный отдел Института искусствоведения, фольклора и этнологии АН Украины. Ф. 1—2. Ед хр. 256. Л. 3.

²² Вероятно, от слова «поминать».

Колядование — пример непосредственной связи мифа и символа. С одной стороны, в колядках много бытовых реалий, обобщенных и идеализированных. Тут превозносятся и прославляются хозяин и хозяйка (*господар* и *господыня*), их дети, хозяйство, подворье, весь домашний уклад. В этих текстах через мифологическое мышление осуществляется проекция духовных ценностей на конкретную жизненную ситуацию, актуализация их в сознании участников действия. В колядках, отмечает украинский философ Мирослав Попович, скромная крестьянская усадьба возвышается до уровня Космоса²³.

Рождественские народные гуляния в их традиционной форме непременно включали забаву «Колесо». Среди материалов, которые в 1920-е годы поступали в Этнографическую комиссию при Всеукраинской Академии наук, находим ее подробное описание. «На столбе, в самой середине ледовой поверхности, сооружается колесо, от оси которого идет длинное дышло. К дышлу крепятся санки. Парни посредством рычага вращают колесо и таким образом саночки гонят по кругу. Молодежь катается на санках по очереди»²⁴. Автор процитированной корреспонденции Лев Юркевич высказывает предположение, что «это развлечение является не случайным и наверно имеет что-то общее с идеей солнца, солнцеворота».

Украинский рождественский праздник вобрал в себя квинтэссенцию культурного опыта народа, в котором открываются выходы на глубинные уровни Бытия. Недаром в кульминационные моменты национального возрождения в Украине, когда духовная революция, расстрелянная в 1920-х, измороженная голодом в 1930-х, опаленная войной в 1940-х, снова выходила на поверхность, именно колядование, уже в среде городской интеллигенции, было своеобразным камертоном возрожденческих процессов.

*Час приходить, Дева родит
Веселитесь, яко с нами Бог —*

так еще в XVIII столетии провозгласил Григорий Сковорода в «Саде Божественных песней». Несмотря на свою древность, именно колядки дают нам сегодня звонкую ноту ощущения Новой эпохи.

*Братове, Роде, час новий настав нам.
Тож славімо сонце, що встає на прю.
Земля животворящими устами
цілує в небі молоду зорю.*

*...Нехай же в кожнім оживе потреба
до вічної свободи й непокори,
щоб ми були єдині яко небо,
і непохитні, як високі гори»²⁵.*

Каждый из мыслящих и глубоко чувствующих людей в Украине имеет свой образ этого древнего и всякий раз неповторимо нового праздника. Ведь Рождество Христово — это таинство, происходящее прежде всего в душе каждого из нас.

²³ Попович М.В. Мировоззрение древних славян. С. 159.

²⁴ Рукописный отдел Института искусствоведения, фольклора и этнологии АН Украины. Ф. 1—5. Ед хр. 366. Л. 35.

²⁵ Ткач М. Дзвони скляної гори. К., 1996. С. 36. («Братья мои и весь род, час новый настал для нас. / А потому славим солнце, которое встает на [священный] поединок. / Земля животворящими устами / целует в небе молодую зарю. / Пусть в каждом из нас оживает потребность / в вечной свободе и непокорности, / чтоб были мы едины как небо / и нерушимы как высокие горы» (укр.).

